

Зарисовки с натуры

...Середина шестидесятых. Лето. Фирменный поезд "Красная стрела" сообщением Москва — Ленинград, делающий на своем 640-километровом пути всего лишь одну остановку в Бологом, подходит к перрону станции. Вагон, оборудованный только сиденьями, но вполне комфортабельными креслами, почти пуст. В соседнем — через проход — ряду женщина в летах, выбравшись из-за своих многочисленных единиц багажа, обращается ко мне:

— Сударь, не откажите в любезности, если только вы не выходите на променаж, присмотреть за моей поклажей? — Я согласно кивнул головой, а она продолжила: — Знаете ли, я много слышала об этой станции на Николаевской железной дороге, но ни разу ее не видела. Все только глубокой ночью доводилось ее проезжать когда-то.

Ее речь хотя и показалась мне старомодной и чуточку занятой, но тон, с каким она обратилась ко мне, был приятным и доверительным. Через несколько минут она вернулась и, застав меня прильнувшим к окну вагона, просто и тепло сказала:

— Ага, и вам тоже интересно? — Спасибо вам, — ответил я ей искренне, — я тоже как бы отметил на станции нашего временного пребывания: созерцанием вокзала, старушек в ожерельях сушеных грибов, стариков со связками лаптей...

— Что вы, меня это еще больше, чем вас, обрадовало. А то я, грешным делом, думала, что и у вас "живых коней победила стальная конница". Помните? Знаете?

— Как же, как же — Сергей Александрович.

Женщина не стала пробираться на свое место, а присела рядом со мной, развернув небольшой альбом для рисования, и стала делать какие-то наброски карандашом.

— С детства балуюсь рисованием, — с легким, но заметным волнением говорила она. — Сейчас, сударь, сейчас. Я только сделаю наброски. А вы... — она протянула мне свою визитку, а ее карандаш тут же замелькал по бумаге, увлекая за собой яркий шнурочек, которым он был привязан к альбому.

Я, чтобы не создавать неловкость, отклонился на мягкие боковые валики кресла в другую от нее сторону. Более часа женщина словно не замечала меня, будучи, видимо, поглощена только одной мыслью: успеть запечатлеть все то, что вот-вот на перроне промелькнуло перед ее взором. Она неотрывно смотрела на альбомные листы, а карандаш, словно сам, то порывисто, то плавно скользил, еле касаясь их. Потом она откинулась на спинку вагонного кресла, и, закрыв глаза, просидела так несколько минут. А открыв их, приладила в специальный жесткий пенальчик карандаш, щелкнув крохотной застежкой альбома. И тут она повернулась ко мне:

— А вас как зовут, сударь? Я назвалась и тут только вспомнил о визитке. Мне повезло, она была обращена ко мне текстом на русском языке: "Госпожа Ольга Александровна Кусевичкая. Художник. Нью-Йорк". Вот, подумалось мне, откуда "сударь" взялся. Я смотрел на визитку и вполголоса повторял: Кусевичкая, Кусевичкий...

— А что вас так удивляет? — спросила она.

— Только то, — ответил я, ничего не подозревая, — что эта фамилия мне хорошо известна и, пожалуй, давно.

— Фамилия как фамилия, русская. Ну, а все же? Откуда?

— Великодушно простите меня, но осмелюсь спросить вас, — в лад и в тон ее манере разговора сказал я, — слышали ли вы что-нибудь о музыканте и дирижере Сергее Кусевичком?

Моя знакомая устала на

меня, словно только-только увидела:

— Вы, вы, знаете, что вы только что... да, да, я не верю своим ушам. Случайный попутчик, в вагоне поезда, мчащегося по Николаевской дороге, вот так просто произносит имя... имя... — она, как мне показалось, даже чуть побледнела.

— Вам плохо? — только и нашелся я на такой нелепый вопрос.

— Совсем наоборот, — она нервно и сильно своей левой рукой сжала локоть моей правой. — Вы сейчас произнесли имя... моего... мужа. Нет, это невозможно! Откуда? Почему?

Теперь уже пришлось мне удивляться той совершеннейшей случайности, которая таким невероятнейшим и неожиданным образом произошла.

— Ольга Александровна, — как можно спокойнее произнес я, — все очень просто. Мне это имя известно по одной из старых афиш.

— Что вы такое говорите? Какая еще афиша? Столько лет прошло!

— Да, но афиша эта, может быть, и сейчас висит в квартире моего ленинградского товарища. И, если не ошибаюсь, она за 1914 год.

— Но как так получилось?

— Отец моего товарища, тогда гимназист, гостивший у родственников в Нижнем Новгороде и увлекшийся симфонической музыкой, был на концерте, который давал гастролировавший по городам на Волге Московский симфонический оркестр Сергея Кусевичкого. Охваченный юношеским азартом он, как после рассказывал многим, кто обращал внимание на афишу, в день репетиции проник за кулисы театра. Дирижер в это время был в мастерской художника театра, где они обсуждали макет новой афиши. Юноша-гимназист попросил автограф. А когда дирижер, выслушав его, произнес: "Хорошо! Но только на чем?" — юный любитель симфонической музыки растерянно развел руками. Выручил художник: "А вот хотя бы на ней, Сергей Александрович". Он взял из стопки одну из афиш и протянул дирижеру кисть, которую только макнул в красную гуашь. Вот эту афишу с автографом музыканта и привез гимназист домой, приколов ее к обратной стороне стекла кухонной двери, что вела на черную лестницу. А чтобы она подольше сохранилась, приколотил к двери фанеру. Вот с тех пор она и украшает, теперь, конечно же, коммунальную кухню. А отец товарища погиб в 1942 на Калининском фронте где-то в этих местах.

Ольга Александровна смотрела на мелькавший за окном березовый перелесок — молча и долго, а в это время смутное и пока неясное чувство подсказывало мне, что только одним простодушным и бесхитростным моим рассказом наша встреча не может завершиться. И еще вполне не осознавая, как оно там сложится дальше, я нарушил молчание:

— А когда и где мы сможем завтра встретиться? Хоть на минутку всего!

— В "Европейской". Ровно в одиннадцать, — как мне показалось, почти отстраненно ответила она. — В тринадцать наша группа уже улетает в Стокгольм...

...Первое, что услышал мой товарищ, открыв мне дверь, было: "Ремонт не начинали?". Он удивленно посмотрел на меня и коротко ответил: "И не собираемся".

Только тогда я поздоровался со всеми и тут же поведал семье товарища о своей случайной попутчице и знакомой. Все согласилось с моим предложением подарить афишу Ольге Александровне.

С большой осторожностью мы отковырнули фанеру, сняли афишу, и все дружно тоже поставили фломастером на ней свои автографы. А когда на следующий

день мы встретились в холле "Европейской", Ольга Александровна не стала разворачивать при мне афишу, а только, отогнув уголок, сказала:

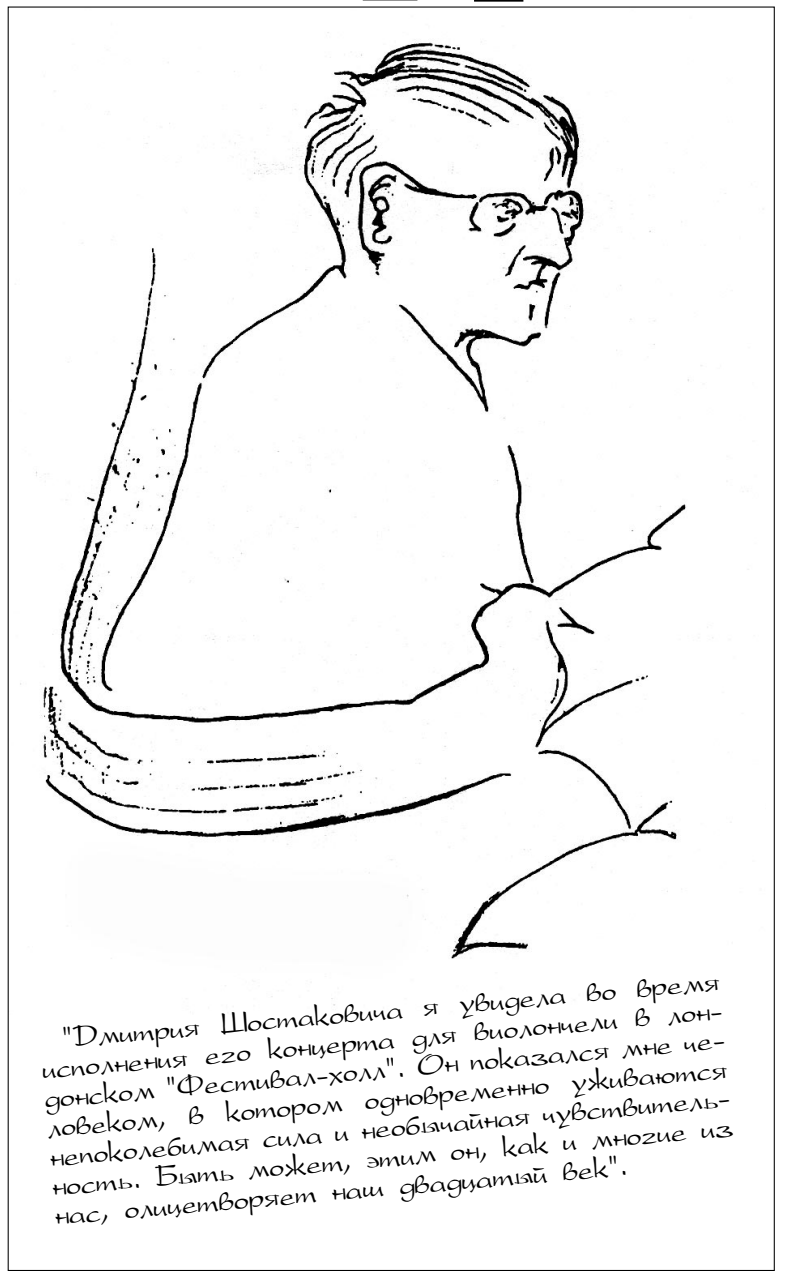
— Нет. Сама. Потом, — она достала из большой яркой сумки конверт-пакет и протянула его мне: — А это вам и вашему товарищу на память. Тут, правда, только некоторые из тех, с кем в своей жизни я имела счастье встречаться и общаться, а с некоторыми даже дружить. И среди них, конечно же, есть и наши с вами великие соотечественники. Возьмите.

Она осторожно опустила афишу в сумку, откуда только извлекла врученный мне пакет, и, смущенно улыбаясь, на прощанье сказала:

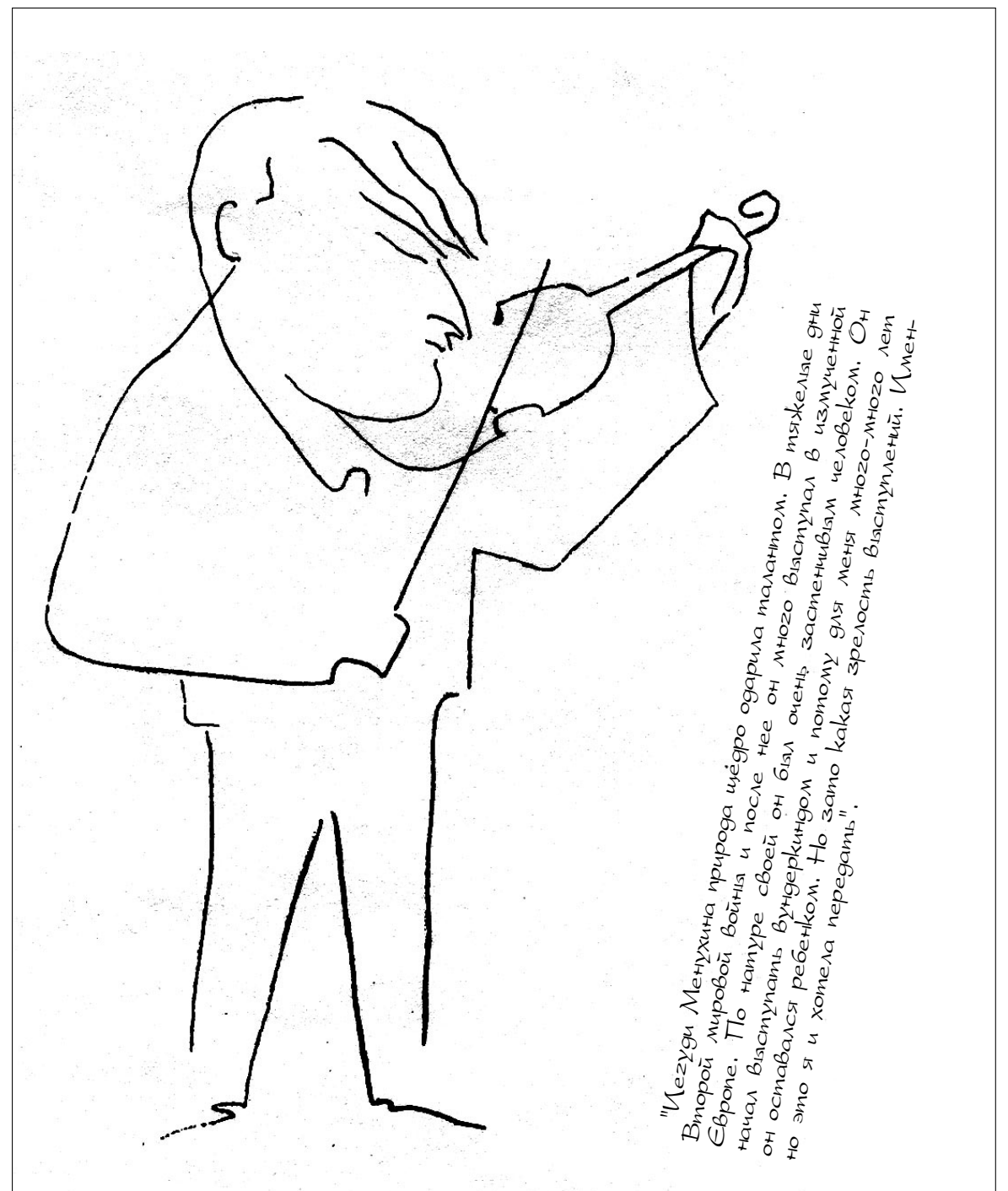
— Будем считать, сударь-товарищ Василий, наш бартер не просто состоявшимся и счастливым, но и не менее удачным... Да, — вдруг спохватилась она и снова заглянула в сумочку, — вот растеряха, чуть не забыла. Тут несколько слов о каждом из тех, кого я попыталась в разные годы изобразить, — протянула она мне исписанный листик. — И спасибо, спасибо, спасибо!

На том и расстались. Но расстались ли? Так подумалось мне, когда я, вернувшись после встречи во дворе, что на углу Балковской и Дальницкой, к себе в квартиру, что в доме, тоже на углу академиком Вильямса и Королева, рассматривал шаржи, выполненные рукой Ольги Александровны Кусевичкой. Прислал мне их товарищ уже в спасительную эпоху экспансии ксерокса, но теперь уже не из Ленинграда, а из Санкт-Петербурга. И разве то, о чем я сейчас рассказывал, не счастливое продолжение встречи, но уже и с читателем?

Василий ВЫХРИСТЕНКО

"Дмитрия Шостаковича я увидела во время исполнения его концерта для виолончели в лондонском "Фестивал-холл". Он показался мне человеком, в котором одновременно уживаются непоколебимая сила и необычайная чувствительность. Бить может, этим он, как и многие из нас, олицетворяет наш двадцатый век".

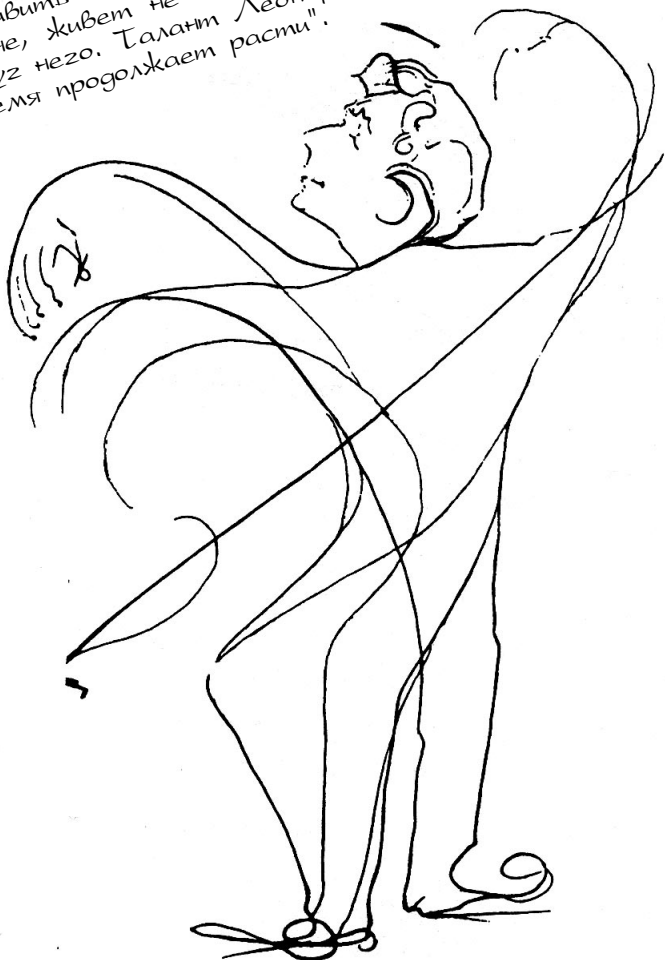

"Мезури Менухина природа щедро одарила талантом. В тяжёлые дни Второй мировой войны и после нее он много выступал в изумительной Европе. По натуре своей он был очень застенчивым человеком. Он начал выступать вундеркиндом и потому для меня много-много лет он оставался ребенком. Но зато какая зрелость выступлений. Имент-но это я и хотела передать".

"Святослав Рихтер, блестящий пианист, впервые приехал в Соединенные Штаты в 1960 году. Как и все мои друзья и знакомые, я много слышала об этом исключительном музыканте. Концерты его были блестящи. Всегда казалось, что волна музыки подхватывает вас и несет в мир превыше техники, превыше интерпретации, превыше всего".

"Леонард Бернштейн — одаренный пианист и композитор. Сейчас он дирижер Нью-Йоркского филармонического оркестра. Об этом выдающемся молодом человеке так много сказано, что трудно добавить что-нибудь новое. Музыка, кажется мне, живет не только в нем самом, но и вокруг него. Талант Леонарда Бернштейна все время продолжает расти".

"Игорь Стравинский всегда полон юношеского задора на эстраде. Он не лишен и некоторой эксцентричности. Раз после дневного концерта я осведомилась о его жене. Оказалось, что она уже с полудня сидит в аэропорту: муж боится, что иначе она опоздает на семичасовой самолет".

"Артур Рубинштейн пользуется неизменной любовью американской публики. Он одинаково экспансивен и в жизни, и за роялем. Кажется, что он еще до начала концерта мысленно уже сидит за роялем, безаппетно по клавишам, подготавливая себя внутренне к выступлению".

"Руджиеро Риччи, уроженец Сан-Франциско — талантливый скрипач. Я часто поражаюсь, как этот невысокий человек способен издать с такой невероятной силой! Да и на сцене стоит он как-то особенно: твердо и крепко, словно прирос к земле. Может быть, потому в нем так много земного".

"Джорджа Силла я впервые увидела за дирижерским пультом Кливлендского симфонического оркестра, которым он тогда руководил. Неизменно стремящийся к совершенству, он от музыкального коллектива в сто человек добился чистоты звучания камерного оркестра. Характер у него сложный. Рисовать его было нелезко. До сих пор так и не могу понять, чем он захватил мое воображение".

